

ФИЛОСОФСКИЙ ПОЕДИНОК

ЗИГМУНД
ФРЕЙД

АНАТОМИЯ
НЕНАВИСТИ

ЧЕЛОВЕК
КАК ВРАГ

ГЕОРГ
ЗИММЕЛЬ

ФИЛОСОФСКИЙ ПОЕДИНОК

УДК 177
ББК 87.6
Ф 86

Зигмунд Фрейд (Sigmund Freud), Георг Зиммель (Georg Simmel)

Ф 86 Анатомия ненависти. Человек как враг / З. Фрейд, Г. Зиммель. – М.: Родина, 2023. – 224 с.: илл. (Философский поединок)

ISBN 978-5-00222-236-0

«Тайное ощущение собственной вины мы всегда прикрываем ненавистью, которая облегчает приписывание вины другому», - писал Георг Зиммель, немецкий философ и социолог, один из главных представителей поздней «философии жизни». В своих работах он исследовал феномен вражды и ненависти в различных человеческих сообществах, который Зиммель определял формулой «Человек как враг».

Зигмунд Фрейд, всемирно известный австрийский психолог, «отец психоанализа», также уделял много внимания проблеме ненависти и подчеркивал, что ненависть старше любви. Ребенок рождается с пронзительным криком, который является реакцией на то, что он был лишен комфортного состояния в матке матери и был вынужден испытать в процессе родов удушье, а после рождения холод, раздражение ярким светом и голод. Этот пронзительный крик, если можно говорить о дифференцированных чувствах на момент рождения, является первым проявлением ненависти. В дальнейшем одним людям удается обуздать ненавистнические порывы, для других они становятся привычным образом поведения, за которым скрываются сильные подсознательные страсти.

Помимо работ Фрейда и Зиммеля, книга дополнена работами других психологов, психоаналитиков и социологов на эту тему.

**УДК 177
ББК 87.6**

© Перевод с немецкого

Панкова С., Ванчугова В. и др., 2023

© Перевод с французского Никитина В.,

Дубина Б., Мавлевич Н. и др., 2023

ISBN 978-5-00222-236-0

© ООО «Издательство Родина», 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

НЕНАВИСТЬ. ПСИХОАНАЛИЗ

<i>Зигмунд Фрейд</i> . Влечения и их судьба	6
<i>Отто Кернберг</i> . Психопатология ненависти	33
<i>Отто Кернберг</i> . Злость, озлобленность, гнев и ярость	53
<i>Петер Куттер</i> . Любовь, ненависть, зависть, ревность	65
<i>Витторио Хёсле</i> . Кризис идентичности	71

ВРАЖДА И НЕНАВИСТЬ. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

<i>Георг Зиммель</i> . Человек как враг	102
<i>Эмиль Мишель Чоран</i> . Портрет цивилизованного человека	113
<i>Эмиль Мишель Чоран</i> . Механика утопии	176
<i>Эмиль Мишель Чоран</i> . Разлад	194
<i>Эмиль Мишель Чоран</i> . Выпасть из времени	214

НЕНАВИСТЬ. ПСИХОАНАЛИЗ

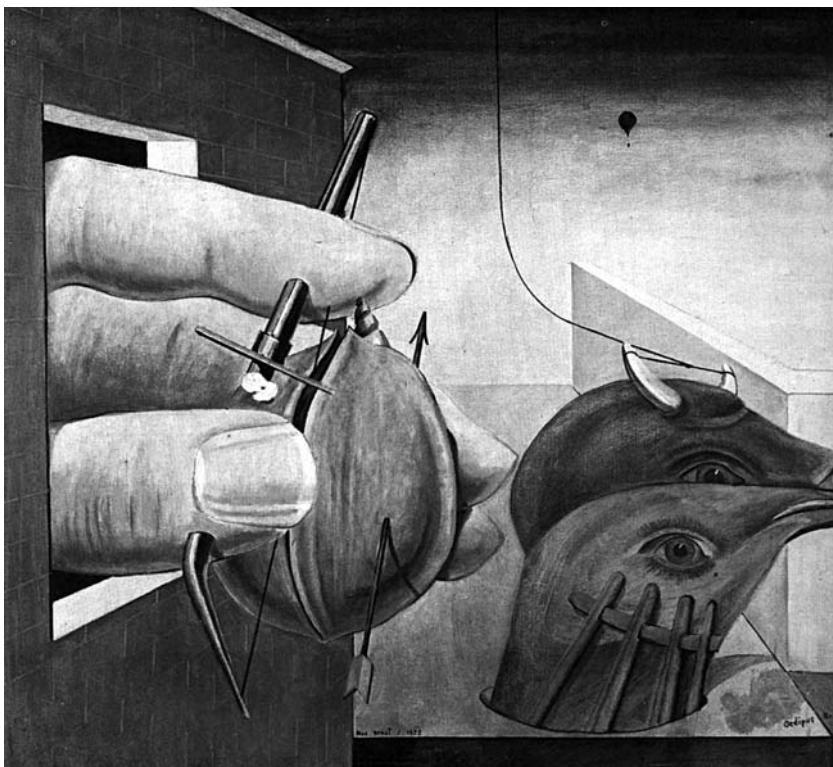
Зигмунд Фрейд

Влечения и их судьба

Влечение и раздражение

Нам часто приходилось слышать, что наука должна строиться на основании ясных и точно определенных исходных положений. В действительности никакая, даже самая точная, наука не начинается с таких определений. Настоящее начало научной деятельности состоит в описании явлений, которые впоследствии группируются, приводятся в порядок и во взаимную связь. Но уже при описании нельзя избежать того, чтобы не прибегнуть при обработке материала к помощи некоторых отвлеченных идей, которые берутся из каких-либо иных источников, находящихся, несомненно, вне нового опыта.

Еще необходимее такие идеи, из которых впоследствии развиваются основные понятия науки, при дальнейшей обработке материала. Сначала они поневоле должны оставаться в известной мере неопределенными; о ясном и точном ограничении их содержания не может быть и речи. Пока они находятся в таком состоянии, смысл их определяется постоянной ссылкой на материал опыта, на основании которого они как будто бы создаются, между тем как на самом деле материал этот им подчиняется. Строго говоря, они имеют характер условности, при этом, однако, главная суть заключается в том, что они не выбираются произвольно, а решающее значение при выборе имеет их отношение к эмпирическому ма-

Царь Эдип.
Художник Макс Эрнст.

Эта картина стала иллюстрацией к «Эдипову комплексу», важнейшему понятию психоанализа Фрейда. Метафора сексуальных отношений, включающих в себя любовь, ненависть и смерть, показана через расколотый орех (женское начало: щель – вульва), штырь и стрелу – символы боли, искривленную лестницу – символ борьбы полов. Лай, отец Эдипа, и Иокаста, его мать, представлены как птицы, спрятанные в деревянный ящик и лишенные возможности двигаться. От их действий ничего не изменится: всё предрешено – судьбы не изменить.

териалу, которое предполагается еще раньше, чем его можно точно узнать и доказать.

Лишь после того как основательно обследована вся область изучаемых явлений, является возможность точно определить ее основные научные понятия и последовательно так изменять их, чтобы можно было применять их в большом объеме и освободить их вполне от противоречий. Тогда окажется своевременной формулировка их в точных определениях. Но прогресс познания не терпит и закоренелости формальных определений. Как показывает блестящий пример физики, и сформулированные в точных определениях основные понятия подвержены постоянному изменению своего содержания.

Таким условным основным понятием, пока еще довольно туманным, но в психологии незаменимым, является влечение. Попробуем с различных точек зрения определить его содержание.

Сначала со стороны физиологии. Она дала нам понятие о раздражении и о рефлекторной схеме, по которой внешнее раздражение, действующее на живую ткань (или нервное вещество), посредством движения переводится наружу. Это движение целесообразно, так как избавляет раздражаемое вещество от действия раздражителя, удаляет это вещество из среды влияния раздражения.

Как же относится «влечение» к «раздражению»? Ничто не мешает нам подвести понятие о влечении под понятие раздражений: влечение есть раздражение для психического. Но с самого начала мы не станем отождествлять влечение и психическое раздражение. Несомненно, что для психического имеются еще и другие раздражения, кроме раздражений влечений, такие раздражения, которые имеют гораздо больше сходства с физиологическими. Если, например, на глаз попадает яркий свет, то это не будет раздражением характера влечения; но таковым будет сухость сли-

зистой оболочки глотки или раздражение кислотой слизистой оболочки желудка.

* * *

Итак, у нас имеются фактические данные отличать раздражения влечений от раздражений иного рода (физиологических), влияющих на психику. Во-первых, раздражение влечения исходит не из внешнего мира, а изнутри организма. Поэтому оно и влияет иначе на психику и для устранения своего требует иных действий. Далее: все существенное для характеристики раздражения заключается в положении, что оно действует как единичный толчок; в таком случае оно может быть устранено единичным целесообразным движением, типичным примером которого является бегство от источника раздражения.

Разумеется, такие толчки могут повторяться и суммироваться, но это ничего не меняет в нашем представлении о процессе и об условиях устранения раздражения. Влечение же, напротив, никогда не производит действия мгновенного толчка, а всегда постоянной силы. Так как оно действует не извне, а изнутри организма, то против него не в силах помочь никакое бегство. Раздражение влечения лучше называть «потребностью», а то, что удовлетворяет этой потребности, «удовлетворением». Оно может быть достигнуто только целесообразным (адекватным) изменением источника внутреннего раздражения.

Вообразим себя в положении почти совершенно беспомощного, не ориентирующегося в мире живого существа, воспринимающего раздражения при помощи нервной системы. Это существо скоро окажется в таком положении, что должно будет начать различать воспринимаемые им раздражения и ориентироваться в них.

С одной стороны, оно будет воспринимать раздражения, от которых сможет избавиться посредством мускульно-

го действия (бегства), и эти раздражения оно будет относить к внешнему миру; а с другой стороны, оно будет испытывать и такие раздражения, по отношению к которым такое действие окажется бесполезным, которые, несмотря на это действие, сохраняют свой характер непрерывного напряжения; эти раздражения являются признаком внутренней жизни, доказательством потребностей влечения. Воспринимающее вещество живого существа сможет, в зависимости от действительности своей мускульной деятельности, различать «внешнее» и «внутреннее».

Итак, мы сначала открываем сущность влечения в его главных признаках, в происхождении из источника раздражения внутри организма, в проявлении в виде постоянной силы, и отсюда выводим один из его дальнейших признаков, состоящий в том, что бегством невозможно избавиться от его действия. При этом изыскании наше внимание должно было быть обращено на одно обстоятельство, заставляющее нас еще кое в чем признаться. Мы не только привносим в материал нашего опыта известные условности в виде основных положений, но пользуемся также некоторыми сложными предположениями, чтобы руководствоваться ими при научной обработке мира психологических явлений.

На самое важное из этих предположений мы уже указали, остается только особо подчеркнуть его. По природе своей оно относится к области биологии, пользуется понятием тенденции (или же целесообразности) и гласит: нервная система представляет из себя аппарат, на который возложена функция устранять доходящие до нее раздражения, низводить их по возможности до самого низкого уровня, или же, если бы это только оказалось возможным, этот аппарат стремится к тому, чтобы вообще избегать каких-либо раздражений.

Пусть нас пока не смущает неопределенность этой идеи, и припишем нервной системе назначение следующее: справляться с раздражениями. Тогда мы замечаем, насколько вве-

дение влечений усложняет простую физиологическую рефлекторную схему. Внешние раздражения выдвигают задачу избавиться от них, а это совершается посредством мускульных движений, из которых одно в конце концов достигает цели и, как целесообразное, становится наследственным предрасположением.

Возникающие внутри организма раздражения влечений не могут быть устранены при помощи такого механизма. Они предъявляют к нервной системе гораздо более высокие требования, побуждают ее к сложным последовательным действиям, настолько изменяющим внешний мир, что он делает возможным удовлетворение внутренних источников раздражения; но, главным образом, они заставляют нервную систему отказаться от своей идеальной цели — устранения всяких раздражений, так как неизбежно поддерживают непрерывный приток.

Мы имеем поэтому основание заключить, что именно они, влечения, а не внешние раздражения, являются настоящим двигателем прогресса, который довел до современной высоты развития столь бесконечно работоспособную нервную систему. Разумеется, ничто не мешает полагать, что сами влечения, по крайней мере отчасти, представляют из себя осадки влияния внешних раздражений, которые в ходе филогенетического развития вызвали изменения в живом веществе.

* * *

Если мы, далее, находим, что и деятельность самых высоких по своему развитию душевных аппаратов также подчиняется принципу наслаждения, т. е. автоматически регулируется ощущениями наслаждения и неудовольствия, неприятности, то мы с трудом сможем отказаться от дальнейшего предположения, что эти ощущения отражают именно тот

способ, посредством которого происходит преодоление раздражения.

Это нужно понимать, несомненно, в том смысле, что неприятные ощущения связаны с повышением раздражения, а приятные ощущения наслаждения — с понижением его. Но мы не должны забывать, что это предположение содержит очень большую неопределенность до тех пор, пока нам не удастся постичь, какого рода взаимоотношения существуют между приятным-неприятным и колебаниями в величине действующего на душевную жизнь раздражения. Несомненно, что тут возможны очень разнообразные и далеко не простые отношения.

Если мы начнем с биологической точки зрения рассматривать душевную жизнь, то «влечение» покажется нам понятием, стоящим на границе между душевным и соматическим, психическим представителем раздражений, исходящих из внутренностей тела и проникающих в душу, мерилом работы, которая требуется от психики вследствие ее связи с физическим.

*Импульсивное напряжение, цель, объект,
источник влечения*

Далее мы можем обсудить некоторые термины, употребляемые по отношению к понятию влечения, как-то: импульсивное напряжение, цель, объект, источник влечения.

Под напряжением влечения понимают его двигательный момент, сумму силы или мерило требуемой работы, которую он олицетворяет. Признак импульсивного напряжения составляет общую особенность всех влечений, самую сущность их. Влечение представляет из себя известную долю активности; если, не совсем точно выражаясь, говорят о пассивных влечениях, то под этим можно понимать только влечения с пассивной целью.

Целью влечения всегда является удовлетворение, которое может быть достигнуто только посредством устранения состояния раздражения в источнике влечения. Но если даже эта конечная цель и остается неизменной для всякого влечения, то все же к одной и той же конечной цели могут вести различные пути, так что у какого-нибудь влечения могут явиться разнообразные и более близкие промежуточные цели, которые могут комбинироваться друг с другом или заменять друг друга. Опыт позволяет нам говорить о влечениях с задержкой в достижении цели при таких процессах, при которых допускается известная часть удовлетворения влечения, а затем наступает задержка или отклонение от цели. Можно допустить, что и с такими процессами все же связано частичное удовлетворение.

Объектом влечения является тот объект, на котором или посредством которого влечение может достичь своей цели. Это самый изменчивый элемент влечения, с ним первоначально не связанный, а присоединенный к нему только благодаря его свойству сделать возможным удовлетворение. Объектом не должен быть непременно посторонний предмет, а может быть также и часть собственного тела.

В течение жизненной эволюции влечения объект может меняться сколько угодно раз; эта способность влечения перемещаться с одного объекта на другой может сыграть самую большую роль. Может случиться и так, что один и тот же объект служит одновременно для удовлетворения нескольких влечений: по А. Adler'у, это случай сплетения влечений (*Triebverschrankung*).

Особенно тесная привязанность влечения к объекту отмечается термином фиксации. Часто такая фиксация создается в очень раннем периоде развития влечения, и этим кладется конец его подвижности, так как такая фиксация очень сильно сопротивляется отделению влечения от объекта.

Под источником влечения понимают тот соматический процесс в каком-либо органе или части тела, раздражение которого в душевной жизни воплощается во влечении. Неизвестно, всегда ли это процесс химический, или он может соответствовать также и развитию других, например, механических сил. Изучение источников влечения уже больше не относится к области психологии; хотя происхождение из соматического источника и составляет самый решающий признак влечения, в душевной жизни мы его узнаём только по его целям. Для психологического исследования не требуется обязательно точного знания источников влечения. Иной раз можно, зная цели влечения, с полной уверенностью сделать заключение о природе и характере его источников.

Следует ли предполагать, что различные влечения, исходящие из телесного и действующие на психическое, отличаются различными качествами, и поэтому в качественном отношении роль их в душевной жизни тоже различна? Для этого как будто нет достаточных оснований; вполне удовлетворительным кажется предположение, что все влечения однородны и действие их зависит только от заключающейся в них величины возбуждения, быть может, еще и от некоторых функции этой количественной величины. То, благодаря чему отличаются друг от друга психические влияния различных влечений, можно объяснить различием источников этих влечений. Значение качества влечения может быть, во всяком случае, разъяснено только в дальнейшем изложении.

* * *

Какие влечения могут быть допущены и в каком количестве? В этом отношении, очевидно, может иметь место большой произвол. Ничего нельзя возразить против употребления следующих понятий: влечение к игре, влечение к разрушению, влечение к общительности в тех случаях, когда этого требует предмет обсуждаемого вопроса и когда та-

кое ограничение психологического вопроса допустимо. Однако нельзя терять из виду и вопроса о том, не допускает ли, с одной стороны, столь специализированная мотивировка влечений дальнейшего разложения в отношении источников влечения, так что определенное значение может быть признано только за первичными, в дальнейшем неразложимыми, влечениями.

Я предложил различать две группы таких первичных влечений: влечения «Я», или самосохранения, и сексуальные влечения. Но это допущение не имеет значения необходимой предпосылки, как, например, предположение о биологической тенденции душевного аппарата (см. выше); это только вспомогательная конструкция, которая должна быть сохранена лишь до тех пор, пока она оказывается полезной, и замена которой какой-либо другой мало чем изменит результаты нашей описательной и классификационной работы.

Поводом к такому допущению послужила история развития психоанализа, который первым объектом своего исследования сделал психоневрозы и именно ту их группу, которая должна быть названа «неврозами перенесения» (истерия, невроз навязчивости), и при этом пришел к выводу, что в корне всякого подобного заболевания лежит конфликт между требованиями сексуальности и «Я».

Однако, все же возможно, что более глубокое изучение других невротических заболеваний (в первую очередь нарцисстических психоневрозов: шизофрении) заставит изменить эту формулу и сделать новую перегруппировку первичных влечений. Но в настоящее время нам не известна эта новая формула, и у нас нет ни одного довода, говорящего против такого противопоставления влечений «Я» и сексуальных.

Я вообще сомневаюсь, чтобы можно было на основании обработки психологического материала получить какие-либо решающие указания для разграничения и классификации

влечений. Скорее кажется необходимым привнести для этой обработки к имеющемуся психологическому материалу определенные предположения относительно деятельности влечений, и было бы желательно, чтобы была возможность позаимствовать эти предположения из другой научной области и перенести их в психологию.

То, что дает нам в этом отношении биология, несомненно, не противоречит такому разделению на влечения «Я» и сексуальные. Биология учит, что сексуальность нельзя поставить в один ряд с другими функциями индивида, так как тенденции ее идут дальше существования отдельного индивида — они имеют своим содержанием появление новых индивидов, то есть сохранение рода. Она показывает нам далее, что в одинаковой мере верно и правильно двоякое понимание взаимоотношений между «Я» и сексуальностью: согласно одному взгляду, главным является индивид, сексуальность представляет из себя только проявление его деятельности, а сексуальное удовлетворение — одну из потребностей его; согласно другому — индивид представляет из себя только временный и проходящий придаток к будто бы бессмертной зародышевой плазме, доверенной ему родом.

Мнение, что сексуальная функция отличается особым химизмом от других телесных процессов, составляет, насколько я знаю, также одно из предположений Эрлиха в области биологических исследований.

Так как изучение влечений представляет непреодолимые трудности, если подходить к нему со стороны сознания, то психоаналитическое исследование психических нарушений остается главным источником наших знаний. Но, в зависимости от хода своего развития, психоанализ до сих пор мог дать нам более или менее удовлетворительные сведения только относительно сексуальных влечений, потому что он мог наблюдать эту группу влечений при психоневрозах, как бы в изолированном виде.

С распространением психоаналитических исследований на другие невротические заболевания, несомненно, наши знания влечений «Я» станут более основательными, хотя, кажется, не следует ожидать, что в этой обширной области исследования условия окажутся столь же благоприятными для наблюдения, как в области неврозов перенесения.

Сексуальные влечения

По вопросу об общей характеристике половых влечений можно сказать следующее: они многочисленны, проистекают из разнообразных органических источников, действуют сначала независимо друг от друга и лишь в более поздний период объединяются в более или менее совершенный синтез. Целью, к которой стремится каждый из них, является наслаждение, доставляемое органам; лишь после того как синтез уже произошел, они начинают выполнять функцию сохранения рода, вместе с чем они получают признание как половые влечения.

При первом своем появлении они присоединяются к влечениям самосохранения, от которых отделяются только постепенно, и при нахождении объекта следуют по тому пути, который указывается им влечениями «Я». Часть их на всю жизнь остается присоединенной к влечениям «Я», снабжая их либидозными компонентами, которые при условиях нормальной функции легко могут быть не замечены и ясно проявляются только благодаря заболеванию. Они отличаются очень большой способностью замещать друг друга и легко могут менять свои объекты. Вследствие этого свойства они могут проявляться в такой форме, которая очень далеко ушла от их первоначальных целей (сублимирование).

Мы должны будем ограничить исследование вопроса о судьбе, которой подвержены влечения в своем развитии в течение дальнейшей жизни индивида, сексуальными влечениями, так как последние нам лучше известны.

Наблюдения показывают нам, что эта судьба влечений может быть следующей:

Превращение в противоположное.

Обращение на собственную личность.

Вытеснение.

Сублимирование.

Так как я не намерен исследовать здесь вопроса о сублимировании, а вытеснению необходимо посвятить особую главу, то мне остается ограничиться описанием и обсуждением только двух первых пунктов. Принимая во внимание те мотивы, которые не дают возможности влечениям прямо проявляться, можно рассматривать судьбу влечений как своего рода отражение, защиту индивида против открытого проявления этих влечений.

При ближайшем рассмотрении превращение в противоположное распадается на два различных процесса, в поворот влечения от активности к пассивности и в превращение содержания его в противоположное. Так как оба процесса по существу своему различны, то их следует и рассмотреть отдельно.

Примерами первого процесса являются противоположные пары: садизм мазохизм и любовь к подглядыванию — эксгибиционизм. Превращение касается только целей влечения; вместо активной цели (мучить, разглядывать) становится пассивная: быть мучимым, разглядываемым. Превращение содержания в противоположное имеет место только в одном случае превращения любви в ненависть.

Обращение против собственной личности становится нам понятным благодаря соображению, что мазохизм представляет из себя садизм, обращенный против собственного «Я», а эксгибиционизм включает в себя также рассматривание и собственного тела. Аналитические наблюдения не оставляют никакого сомнения в том, что мазохист наслаждает-

ся истязанием самого себя, а эксгибиционист — обнажением своего тела. Сущность процесса составляет, таким образом, перемена объекта при неизменности цели.

* * *

Мы не можем не заметить, что в этих примерах сталкиваются или совпадают обращение против собственной личности и обращение от активности к пассивности. Для выяснения взаимоотношения становится неизбежным более основательное исследование.

При противоположной паре садизм — мазохизм можно весь процесс изобразить следующим образом:

а) Садизм состоит в насилии, в проявлении своей мощи (силы) по отношению к другому лицу как объекту.

б) От этого лица отказываются и замещают его самим собой. Вместе с обращением против самого себя совершается и превращение активной цели влечения в пассивную.

с) Снова ищется новое лицо в качестве объекта, которое должно взять на себя роль субъекта, вследствие изменившейся цели.

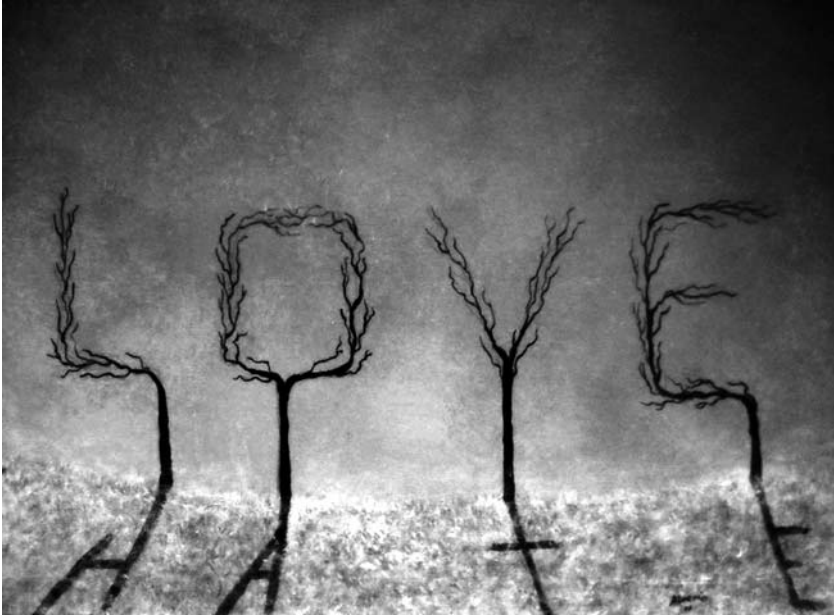
Последний случай представляет из себя обыкновенно так называемый мазохизм. Удовлетворение и при нем происходит путем первоначального садизма благодаря тому, что пассивное «Я» в фантазии становится на свое прежнее место, предоставленное теперь другому объекту. Безусловно, сомнительно, бывает ли также прямое мазохистическое удовлетворение. Первоначального мазохизма, не развившегося описанным путём из садизма, по видимому, не бывает. Проявление же садистического влечения при неврозе навязчивости показывает, что предполагаемая ступень б не является излишней. Здесь имеет место обращение на самого себя, без пассивности по отношению к новому лицу. Превращение достигает только ступени в. Страсть мучить других превра-

щается в самоистязание, наказание самого себя, но не в мазохизм. Активный глагол превращается не в пассивный, а в возвратный.

Понимание садизма затрудняется еще потому, что это влечение наряду с достижением своей общей цели (быть может лучше: в пределах последней), по-видимому, стремится еще к специальному действию. Наряду с унижением, преодолением он стремится причинять боль. Однако психоанализ как будто показывает, что причинение боли не играет никакой роли между первичными активными проявлениями влечения. Садистический ребенок не принимает во внимание возможности боли и не намеревается ее причинять. Но раз превращение в мазохизм уже совершилось, то боли очень хорошо подходят к тому, чтобы составить пассивную мазохистическую цель, так как у нас имеется достаточно оснований предполагать, что ощущения боли, как и всякие другие неприятные ощущения, передаются половому возбуждению и вызывают состояние наслаждения, для которого можно охотно мириться с неприятностью боли. А раз ощущение боли стало мазохистической целью, то возвратным путем может развиваться и садистическая цель — причинение боли другому, которой можно наслаждаться, причиняя ее другому и одновременно мазохистически отождествляя себя со страдающим объектом.

Разумеется, в обоих случаях испытывают наслаждение не от боли, а от сопровождающего ее полового возбуждения, что особенно удобно переживать в роли садиста. Наслаждение болью является, таким образом, первоначально мазохистической целью, но оно может стать целью влечения только у первоначально садистического субъекта.

Для полноты освещения вопроса прибавлю, что сострадание не может быть описано как результат превращения влечения при садизме, а должно быть понимаемо как реактивное образование (реакция) против влечения.

Любовь-ненависть.
Художник Эдвин Алверю.

Одновременное присутствие любви и ненависти Фрейд обозначал термином «амбивалентность». Согласно Фрейду, амбивалентность является предпосылкой меланхолии; в этом состоянии амбивалентно любимый объект интроецируется, а либидо уходит в себя, чтобы установить идентификацию с любимым объектом. Затем потеря объекта превращается в потерю эго, и проявляется конфликт между Эго и Супер-Эго.

* * *

К несколько иным, более простым результатам приводит исследование другой противоположной пары влечений, имеющих целью разглядывание и показывание себя (Voyeur и эксгибиционист на языке перверзий). И здесь можно установить те же ступени, как и в предыдущем случае: а) разглядывание в форме активного действия, направленного на посторонний объект; б) отказ от объекта, обращение влечения к разглядыванию собственного тела, а вместе с этим поворот к пассивности и появление новой цели: быть разглядываемым; с) введение нового субъекта, которому показываешь себя, чтобы «быть им разглядываемым».

Вряд ли можно сомневаться в том, что активная цель появляется раньше, чем пассивная, что разглядывание предшествует показыванию себя. Но значительное отличие от случая садизма заключается в том, что во влечении к разглядыванию можно различить еще более раннюю ступень, чем описанная под рубрикой а. Влечение к разглядыванию в начале своего проявления аутоэротично, оно хотя и имеет объект, но объект этот составляет собственное тело. Лишь позже оно производит замену этого объекта (путем сравнения) аналогичным объектом постороннего тела (ступень а). Это предварительная ступень интересна тем, что от нее исходят оба противоположных положения окончательной пары, в зависимости от того наступает ли изменение в тот или другой момент развития (до ступени а или в ступени б).

Схема влечения к разглядыванию имеет приблизительно следующий вид:

- а) разглядывать самому половой орган = разглядывать самому собственный половой орган;
- б) разглядывать самому чужой объект (активное влечение к разглядыванию);

с) быть разглядываемым посторонним в качестве собственного объекта (наслаждение при показывании — эксгибиционизм).

Такой предварительной ступени нет у садизма, который с самого начала направлен на посторонний объект, хотя совсем не было бы бессмысленным сконструировать такую фазу, исходя из стараний ребенка овладеть своими членами.

К обоим рассматриваемым здесь примерам влечений относится замечание, что превращение влечения посредством поворота от активности к пассивности и обращения на самого себя никогда не распространяется на влечение во всем его объеме. Более позднее активное направление влечения в известной мере сохраняется наряду с более ранним, пассивным, даже и в том случае, если процесс превращения влечения зашел очень далеко. Относительно влечения к разглядыванию самым правильным было бы сказать, что все степени развития влечения, как предварительная аутоэротическая ступень, так и активная и пассивная конечные формы его, существуют одновременно, и это утверждение становится совершенно очевидным, если в основу своего суждения положить не действия, на которые влечение толкает, а механизм удовлетворения.

Впрочем, быть может, было бы правильно держаться еще одного способа понимания и изложения этих явлений. Все проявления влечений можно разложить на отдельные, разделенные на временные промежутки и одинаковые за весь период данного (любого) промежутка, толчки, относящиеся друг к другу, как, например, последовательные извержения лавы. В таком случае можно себе представить, что первый и самый первоначальный порыв влечения протекает без изменений и не претерпевает вообще никакого развития. Следующий порыв с самого начала подвергается изменению, вроде поворота в сторону пассивности, и присоединяется затем к прежнему течению, сохраняя свой новый характер пассивно-

сти, и так далее. Если бросить взгляд на данное влечение с начала его зарождения до определенного момента, то описанная последовательность порывов, толчков должна дать картину определенного развития влечения.

Тот факт, что в определенный поздний период развития влечения можно наблюдать его (пассивное) противоположное течение, заслуживает быть отмеченным и назван прекрасным термином: амбивалентность.

Ход развития влечения становится нам понятным, если иметь в виду всю историю развития его и постоянство средних ступеней. Опыт показывает далее, что размеры наблюдаемой амбивалентности меняются в высокой степени у индивидов, человеческих групп или рас.

В ярко выраженной амбивалентности влечений у современного человека можно видеть архаическое унаследование, так как у нас есть основание полагать, что в первобытные времена известная часть непревращенных активных импульсов в проявлениях влечений была большей чем теперь.

* * *

Мы уже привыкли называть нарциссизмом раннюю фазу развития «Я», когда половые влечения удовлетворяются аутоэротически, не исследуя пока вопроса о взаимоотношениях между нарциссизмом и аутоэротизмом. В таком случае мы должны сказать, что предварительная ступень влечения к разглядыванию, когда объектом разглядывания является собственное тело, относится к проявлениям нарциссизма, представляет из себя нарциссическое образование. Из этой ступени развивается активное влечение к разглядыванию благодаря тому, что оно разрывает с нарциссизмом, между тем как пассивное влечение к разглядыванию крепко держится нарциссического объекта. Точно также превращение садизма в мазохизм означает возврат к нарциссическому объекту, между тем как и в том и другом случае нарциссический субъект